

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2325](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2325)

Д. Е. Серебренников

**ИНФРАСТРУКТУРА КАК КАМЕРА-ОБСКУРА
СОЦИАЛЬНЫХ КЛАССИФИКАЦИЙ:
СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ
В МАЛЫХ ГОРОДАХ**

Правильная ссылка на статью:

Серебренников Д. Е. Инфраструктура как камера-обскура социальных классификаций: системы городского видеонаблюдения в малых городах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 104—129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2325>.

For citation:

Serebrennikov D. E. (2023) Infrastructure as a Camera Obscura for Social Classifications: Urban CCTV Systems in Russian Small Cities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 104–129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2325>. (In Russ.)

Получено: 17.10.2022. Принято к публикации: 09.03.2023.

ИНФРАСТРУКТУРА КАК КАМЕРА-ОБСКУРА СОЦИАЛЬНЫХ КЛАССИФИКАЦИЙ: СИСТЕМЫ ГОРОДСКОГО ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ

СЕРЕБРЕННИКОВ Дмитрий Евгеньевич — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: serebrennikov.dmtr@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2574-3842>

Аннотация. Изучение паттернов социальных классификаций активно развивалось в так называемом слабом проекте когнитивной социологии. Однако со временем последний столкнулся с аргументированной критикой «сильных» альтернатив за бессистемность и постулирование примата социального над индивидуальным в любых взаимодействиях. В данной статье предпринята попытка показать возможности для продуктивной работы в духе «слабого» проекта благодаря дополнению его теоретическим наследием Мэри Дуглас, а также идеями Сьюзен Стар и ее соавторов о связях инфраструктур с системами классификаций.

Специфика намеченной теоретической рамки будет показана на примере изучения основных паттернов опасного/безопасного пространства в мыслительных коллективах чиновников, близких к силовым органам власти, на примере трех кейсов муниципальных систем видеонаблюдения «Безопасный город» в одном из регионов России. Мы показываем, что общие принципы расположения камер в городе указывают на некоторые паттерны опасных и неконтролируемых пространств, и находим два общих типа

INFRASTRUCTURE AS A CAMERA OBSCURA FOR SOCIAL CLASSIFICATIONS: URBAN CCTV SYSTEMS IN RUSSIAN SMALL CITIES

Dmitry E. SEREBRENNIKOV¹ — Junior Research Fellow at the Institute for the Rule of Law

E-MAIL: serebrennikov.dmtr@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2574-3842>

¹ European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The study of social classification patterns was actively promoted within the so-called “weak” version of cognitive sociology. The “strong” alternatives have critiqued this endeavour over time for being haphazard and for assuming the supremacy of the social over the individual in every potential interaction. This article seeks to demonstrate the opportunity for productive work in the style of the “weak” project by incorporating the theoretical heritage of Mary Douglas and the concepts of Susan Star and her co-authors regarding the relationship between infrastructures and social categories in it.

The author demonstrates this by examining the fundamental patterns of dangerous/safe space in the thought of collectives consisting of bureaucrats linked to the security services, and analyzing three cases of municipal “Security City” video surveillance systems in one of the Russian regions. The study shows that general principles of camera placement in the cities indicate some patterns of dangerous and uncontrolled spaces and reveals two general types of such patterns. The first one is related to the district-wide organization of the system and the different focus placed on various security

таких паттернов. Один связан со способом организации всей системы на территории района и разными акцентами на пространствах для обеспечения безопасности (в этом смысле камеры могут быть расположены распределенным или централизованным образом). Другой указывает непосредственно на типы территорий, которые могут быть потенциальными источниками угроз: детские пространства, критическая инфраструктура и символические объекты.

Ключевые слова: социальные классификации, безопасность, инфраструктура, камеры наблюдения, когнитивная социология

Благодарность. Автор выражает признательность Кириллу Титаеву, Екатерине Ходжаевой и всем сотрудникам Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, благодаря которым одна идея смогла превратиться в полноценное исследование, а также двум анонимным рецензентам за ценные комментарии.

Введение

Начиная со второй половины XX века исследователи проявляют все больший интерес к изучению социальных классификаций, впервые появившихся в социологической теории еще в период позднего творчества Эмиля Дюркгейма [Дюркгейм, Мосс, 2011; Дюркгейм, 2018]. Вопросы определения и изменения классификационных схем изучаются и в поле исследований наук и технологий [Bowker, Star, 2000], и в экономической социологии [Fourcade, Healy, 2013], а также в социологии культуры и когнитивной социологии [DiMaggio, 1997]. Именно новаторские работы в последней из перечисленных областей позволяют дать широкий контекст связи классификаций и социальных условий на разных уровнях: от общих паттернов познавательной организации каких-то явлений до нейробиологических принципов работы сознания в коллективе.

На уровне отдельных коллективов большой интерес к работе классификационных схем проявляла также Мэри Дуглас, согласно которой сообщества прожи-

spaces. In this sense, CCTV can be positioned centrally or dispersedly. The second one indicates the immediate types of areas that can be potential sources of threats: children's spaces, critical infrastructure and symbolic objects.

Keywords: social classifications, security, safety, infrastructures, surveillance cameras, CCTV, cognitive sociology

Acknowledgments. The author is grateful to Kirill Titaev, Ekaterina Khodzhaeva, and all the researchers from the Institute for the Rule of Law at European University at St. Petersburg, who helped turn a single idea into a full-fledged study. The author is also appreciative to two anonymous reviewers for their insightful comments.

вающих вместе людей образуют различные системы конвенций о символических границах мира. Классификации призваны упрощать и упорядочивать мир, сводя его к бинарным оппозициям. Центральные для сообщества границы проходят по линии сакрального, отделяя мир опасного от безопасного [Дуглас, 2000]. К концу XX века такая сакрализация порядка стала охватывать почти все сферы повседневного мира, придя к позициям «контролируемое = безопасное» против «неконтролируемое = опасное» и воплощаясь во множестве инфраструктур, опутывающих городское пространство [Lianos, Douglas, 2000].

Инфраструктуры сохраняют в себе (и передают дальше) отпечаток различных конвенций, разделяемых участниками коллектива [Star, Ruhleder 1994]. Опираясь на это, можно предположить, что системы, обеспечивающие городскую безопасность, строятся на общих представлениях о типах пространства городской среды, которые, по мнению госслужащих и полицейских, необходимо контролировать.

В данной статье мы покажем, как изучение конфигурации городских инфраструктур (в нашем случае — камер наблюдения) позволяет увидеть общие паттерны организации опасного/безопасного пространства с точки зрения представителей власти. Кроме того, обсуждая дебаты между «сильной» и «слабой» версиями когнитивной социологии [Strydom, 2007], мы попытаемся представить дополнительные аргументы в пользу последнего подхода в контексте изучения классификаций.

Эмпирической базой для статьи послужило 22 полуструктурированное интервью с 27 информантами из трех муниципалитетов одного из регионов Северо-Западного федерального округа, собранные в 2018—2020 гг. Для понимания того, какие объекты воспринимаются как требующие внимания и контроля, интервью проводились с чиновниками, отвечающими за установку камер, руководителями центров мониторинга, низовыми операторами центров. В дополнение к этому проведена работа с официальными документами и планами установки камер, найденными на сайтах муниципалитетов или предоставленными информантами. Для анализа также использовалось семь интервью с сотрудниками МВД других регионов СЗФО¹, в которых обсуждалось расположение камер на территории. В связи с тем, что количество камер в каждом изучаемом муниципалитете варьировалось от 15 до 37, суммарный бюджет на них был крайне ограничен, а формальных правил расположения комплексов в изучаемом регионе не существовало, чиновники были вынуждены приспособлять установку камер под общие принципы борьбы с теми или иными опасностями, которые представляются наиболее важными в конкретном районе.

Первая часть статьи посвящена дебатам о природе социальных классификаций в традиции когнитивной социологии. Сначала мы опишем, из какой позиции может быть легитимна сама постановка вопроса об изучении паттернов классификации, после чего укажем на преимущества и недостатки их изучения в логике «слабого» проекта когнитивной социологии. Во второй части мы покажем, как теоретически могут быть связаны инфраструктуры и социальные классификации опасного и безопасного пространства. Затем представим общее описание изучаемого

¹ Интервью предоставлены сотрудниками Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге в анонимизированном виде.

мой системы (аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»), данных и методологии исследования. В последней части мы проанализируем паттерны расположения городских камер наблюдения с целью выделения основных групп опасных/безопасных пространств.

Исследование социальных классификаций и проблематика опасного/безопасного

Когнитивная социология и вопрос социальных классификаций

В социологической теории вопрос о связи социального устройства сообщества и способов упорядочивания мира в определенных категориях (по конвенциональной трактовке) возник в работах Эмиля Дюркгейма и Марселя Мосса [Дюркгейм, Мосс, 2011; Дюркгейм, 2018]. Тем не менее долгое время эта тематика развивалась преимущественно в антропологических исследованиях [d'Andrade, 1995]. Во второй половине XX века интерес к классификациям стал возвращаться в социологическую теорию благодаря неоструктуралистским работам Мэри Дуглас [Дуглас, 2000], Джеффри Александера [Alexander, 1990] и других исследователей. В настоящее время социальные классификации также активно изучают в области экономической социологии, где авторов обычно интересует связь устоявшихся категорий описания мира с заложенными в них иерархиями власти с одной стороны и тем, как они порождают экономическое действие — с другой [Fourcade, Healy, 2013].

Однако существует и другое направление, представители которого интересуются социальными классификациями и, шире, социально обусловленными процессами познания. Речь идет о когнитивной социологии.

В 1950-х годах в ряде дисциплин (в первую очередь психологии, лингвистике, компьютерных науках, антропологии, нейробиологии, философии) произошел резкий поворот к анализу процессов обработки информации и способов построить единый научный метод для изучения этого процесса. Впоследствии это движение получило название «когнитивная революция» [Miller, 2003]. Здесь стоит сказать, что «революцией» когнитивные исследования стали в первую очередь для психологии, где произошел переход от изучения поведения (*behavior*) к исследованиям познания (*cognition*) [Sokal, 1974]. Многие из теоретиков социологии с момента ее зарождения интересовались вопросами познания, поэтому эффект «когнитивного поворота» в этой дисциплине был значительно слабее. К тому же он совпал с поворотом к феноменологическим проектам примерно в тот же период. Для последних вопрос о познании мира индивидом был одним из ключевых [Strydom, 2007]. В результате наработки когнитивистов интересовали многих социальных исследователей, но, за некоторыми исключениями², они не становились социологическим мейнстримом.

В 1980-х годах ученик Ирвинга Гофмана Эвиатар Зерубавель попытался исправить это, предложив проект «когнитивной социологии», который развивается и по сей день. Зерубавель представлял когнитивную социологию как область, которая может дополнить когнитивные исследования, открыв как универсальные,

² Например, влияние когнитивных наук прослеживается в работах Николаса Лумана [Strydom, 2007].

так и частные закономерности познания, обусловленные коллективными взаимодействиями людей, а значит, недоступные для изучения в традиционных когнитивных науках. В то же время обнаружение этих свойств поможет социологам обрести новую твердую почву под ногами и не уходить в радикальный социологизм при развитии своих теоретических идей [Zerubavel, 1991].

Зерубавель утверждает, что люди в разных ситуациях мыслят и как универсальные по своим психологическим свойствам акторы, и как уникальные рациональные агенты. Признавая правомерность существования каждой из концепций, он дополнил их срединным, социологическим путем — люди мыслят в том числе с помощью других людей. Человек достаточно редко производит действия полностью самостоятельно. Он всегда является частью либо какой-то команды, совместными усилиями придумывающей решение проблемы, либо обобщенных больших коллективов, которые помогают ему ориентироваться в социальных правилах и упорядочивать повседневные взаимодействия. Зерубавель использует термин Людвиг Флека «мыслительный коллектив» [Флек, 1999], под которым понимается сообщество людей, обменивающихся идеями или поддерживающих интеллектуальное взаимодействие, приводящее к схожему стилю мышления по бытовым или профессиональным вопросам. Флек пишет, что для появления мыслительного коллектива достаточно и двух человек. Важно, что индивиды при коммуникации порождают совместные правила определения объектов к определенным мыслительным категориям, к чему они не пришли бы до начала взаимодействия.

Зерубавель настаивает на необходимости поиска социальных универсалий познания такого рода. Он обращается к общей идее формальной социологии Георга Зиммеля, отталкиваясь от которой, предлагает изучать не только уникальные содержания социального взаимодействия (и социального познания), но и его повторяющуюся в разных ситуациях форму. Последняя в логике изучения классификаций гипотетически может иметь конечное число вариантов, что позволит нам создать более строгие рамки для изучения социальных феноменов [Zerubavel, 2007].

По Зерубавелю, независимый от нас мир является непрерывным. Наше сознание справляется с этим путем «упаковки» его фрагментов в дискретные «острова смыслов» (*islands of meaning*). Две центральные операции для этого — «объединение» (*lumping*) и «расщепление» (*splitting*) [Zerubavel, 1996]. Первая связана с уменьшением мыслительной дистанции между объектами и их объединением в кластер верхнего уровня (как мы объединяем от 28 до 31 дней в месяц), вторая — с увеличением межкластерных расстояний (как мы различаем 17- и 18-летних как несовершеннолетних и совершеннолетних) [ibid.].

Две эти операции могут происходить как в силу физиологии (различение лиц людей и не-людей [Slater, Quinn, 2001]), так и по причинам нахождения в том или ином мыслительном коллективе (развивая эту идею, Зерубавель концептуализирует их как «оптические сообщества» (*optical communities*)). Коллективы дают нам способы выстраивать аналогии между категориями социального мира, объединять их и расщеплять. Понять, как организованы эти категории, можно через анализ «зонирования» пространства, времени и причин в повседневном мире [Zerubavel, 1996]. Зерубавель обозначает такой тип работы как анализ социальных паттернов (*social pattern analysis*) по формам их организации [Zerubavel,

2007]. Они могут быть универсальными (например, обряды перехода), а могут иметь локальную специфику. Для обнаружения паттернов Зерубавель предлагает использовать сравнительный метод с максимально возможной вариацией изучаемого феномена. Это также должно стирать грань между микро- и макро-подходами, поскольку поиск паттернов может осуществляться на любых типах данных [ibid.].

Проект Зерубавеля, названный Ратгерской школой [Brekhus, 2007], оказался достаточно успешным. Тем не менее он подвергся изрядной критике — в первую очередь за отсутствие четкой методологии выделения паттернов в данных и систематизации многочисленных находок. Последующая линия критики, получившая название «сильного» подхода в когнитивной социологии [Strydom, 2007], исходила от лагеря исследователей, стремившихся выстроить связку между социологией, психологией и нейрофизиологией. Они призывали согласовывать построения социологов с когнитивными моделями психологов [Turner, 1994], поскольку последние благодаря ряду прорывных работ получили серьезные критические аргументы против классических социологических концепций о связи общества и познания³. В радикальных версиях «сильного» подхода предлагается отказаться от многих версий традиционной социологии, поскольку концепции познающего индивида в них противоречат открытиям когнитивных исследователей о работе мозга [Turner, 2002]. Поддержка «сильной» альтернативы наблюдается и в русскоязычной академии [Девято, 2015; Шариков, 2020].

Многочисленные аргументы против «слабого» проекта⁴ справедливо порождают сомнение в том, что социально порожденные схемы сами по себе имеют должествующий (а не инструментальный) характер для человеческого действия, а «паттерны классификации» могут быть объектом исследования. Однако даже в рамках психологически ориентированных работ мы можем найти более мягкие трактовки, показывающие, что так называемые схемы восприятия (*schemata*) в контексте их эффекта на действие поразительно схожи с тем, что социологи называют «институтами» [DiMaggio, 1997]. В таком случае вопрос применимости «слабого» подхода начинает зависеть от того, насколько жесткими и принудительными являются повседневные системы классификации для того или иного сообщества. Когда мы имеем основания говорить, что коллектив придерживается схожих принципов категоризации мира? Недостающее звено в этом вопросе можно обнаружить в наследии Мэри Дуглас.

Британский антрополог посвятила значительное количество своих работ темам, близким когнитивным социологам, развивая их в логике связи между мыслительными коллективами (можно провести параллель с «оптическими сообществами» Зерубавеля), системами классификации и структурой самих сообществ. Она предлагала понимать «институт» как консенсус об установлении подобия. Сама возможность видеть сходства определенных элементов между собой является социальным институтом. В повседневных операциях индивид постоянно занимает

³ Например, см. разгромную критику позднедюркгеймианской модели познания Альбертом Бергесеном [Bergesen, 2004].

⁴ Связанного с развитием идей Ратгерской школы или сохранением традиционных социологических моделей познания.

ся задачей классификации объектов, но для облегчения когнитивных процессов она упрощается через институты, интериоризированные индивидом через мыслительные коллективы, в которых он существует [Дуглас, 2020].

Дуглас уточняет — системы классификаций (как институты) в разных сообществах могут иметь разную силу. Она пытается упорядочить их по двум осям. Первой является «разметка» (*grid*), выражающаяся в ограничениях, которые индивиды накладывают друг на друга при работе с классификациями и дефинициями объектов в мире. Если ограничения сильны, то способ мышления общества о мире жесткий и его сложно изменить; если же ограничения слабы, то мы имеем общество свободных в своем стиле мышления индивидов. Второй осью является «группа» (*group*), отражающая степень доминирования группы над индивидом в контроле его действий. В результате мы получаем матрицу 2 x 2 [Douglas, 1982].

Введение такой структуры дает теоретические основания полагать, что у одних коллективов (*low-grid — low-group*) классификации не будут общими и не будут иметь принудительной силы (как, например, в сфере искусства). Ожидать, что представители таких сообществ будут категоризировать мир схожим образом, затруднительно и легко может привести к необоснованному социологизму⁵. С другой стороны, есть виды коллективов (*high-grid — high-group*) с максимальной упорядоченностью и гомогенностью классификаций внутри сообщества, нарушение которых представляется крайне нежелательным. Сама Дуглас называет такой тип «иерархическим», или «бюрократическим». Крайним вариантом коллективов такого рода можно считать силовые ведомства, экстренные службы и прочие бюрократические структуры. Находясь в таком сообществе, индивид испытывает высокое давление окружающих на то, каким образом он должен действовать, при этом само его мышление достаточно жестко структурировано, ибо рассогласование классификаций бюрократов может парализовать всю их работу [Дуглас, 2020]. Подтверждение этому мы находим и эмпирически. Например, в повседневной рутине следователь, стремясь сэкономить усилия, не квалифицирует дело, исходя из его формальных юридических признаков, а соотносит наблюдаемое с некоторым числом шаблонов и выбирает оптимальный. Сам этот навык является результатом обучения молодого сотрудника в коллективе [Титаев, Шклярчук, 2015].

Мы считаем, что анализ классификаций в русле «слабого» проекта может быть важным инструментом для анализа при учете специфики сообщества. Там, где общие классификации необходимы для работы всего коллектива, их изучение представляется легитимным. При таком анализе вопрос о биологически обусловленных социальных процессах познания должен быть сознательно отодвинут в сторону. Представители сильных подходов требуют [Kaidesoja, Нуурыläinen, Puustinen, 2022] показать конкретные механизмы появления какого-то социального знания у индивида. Однако исследование познания как прозрачного «аквариума» (*glass box*), а не «черного ящика» (*black box*) может быть необязательным. При наличии легитимного ожидания, что в сообществе будут установлены крайне строгие рамки

⁵ Имеется в виду сведение всех причин поведения к социальным механизмам. По мнению некоторых представителей «сильного» подхода, социологизм — один из ключевых недостатков большей части социологической теории вообще [Kaidesoja, Нуурыläinen, Puustinen, 2022].

для классификации, мы можем изучить их паттерны в реальном мире, а не с помощью фМРТ. В этом контексте сознательное затемнение ящика выглядит оправданным и позволяет ставить вопросы об организации социальных классификаций в независимом от исследователя мире.

Безопасное/опасное различие и исследования инфраструктур

Паттерны восприятия опасного и безопасного на общем уровне анализировала Рут Симпсон, выделив три формы такого упорядочивания. Первая форма — когда мы видим опасные вещи на фоне безопасного. Вторая — наоборот, когда мы усматриваем безопасные сущности в мире опасностей. Последняя, наиболее привычная в повседневной жизни, — когда мир сам по себе не имеет для нас этих свойств, но они присущи определенным объектам в нем. Это не означает, что нет объективных опасностей. Онтологические для нас опасности могут приходиться из внешнего мира, но лишь в мыслительном коллективе люди проводят окончательную границу [Simpson, 1996]. Таким образом, убеждение «объект X — опасен» связано как с его реальной опасностью, на которую мы можем реагировать рефлекторно (например, в случае взрыва), так и с бытующими в сообществе конвенциями об опасности (например, страх «черной Волги» в позднем СССР [Архипова⁶, Кирзюк, 2019]).

В нашем контексте нас интересует как раз нейтральный фон, на котором какие-то объекты могут быть понимаемы как источающие угрозу сами по себе. Однако, как пишут Дуглас и Микаэлис Лианос, в конце XX века «нейтральных зон» для повседневного мира Западной Европы и Северной Америки становится все меньше [Lianos, Douglas, 2000]. Логика классификации мира в 1990-х годах сместилась в сторону большего усиления политики безопасности и разрастания пространств угроз. Авторы показывают, что к концу XX века почти любое место может считаться опасным, хотя с точки зрения внешних показателей оно не всегда является таковым. Контроль ситуации начинает восприниматься как нечто сакральное. Угрозы же вынуждают сообщество вырабатывать жесткие регламентации, общие понятия, классификации опасного, безопасного и того, как избежать негативного сценария развития событий при их нарушении. В этом смысле механизмы «обуздания» опасного претерпели мало изменений за столетия [Дуглас, 2000], однако изменился их масштаб.

Один из самых распространенных инструментов проведения политики безопасности — специальные инфраструктуры, упорядочивающие для властей «восприятие» территории (городские системы видеокамер, датчиков возгорания, сигнализации и проч.) [Lianos, Douglas, 2000]. При этом сами инфраструктуры могут изучаться как отражение чьих-то классификаций пространства, категорий, вписанных в объекты. Так, Джофри Боукер и Сьюзан Стар показывают, что такие системы создаются благодаря определенным классификациям и стандартам, а затем сами склоняют нас к мышлению через воплощенные в них категории: «классифицировать — суть человеческое» («*to classify is human*») [Bowker, Star, 2000]. Таким образом, бытовые или рационально созданные классификации становятся ма-

⁶ 26.05.2023 г. внесена в реестр иностранных агентов.

териальными и упорядочивают мир для нас. Для авторов классификация больше связана с формальными установлениями правил «группировки» объектов в мире (например, Международная классификация болезней). В таком контексте распространение своей классификации может прочитываться как инструмент установления экономического или политического контроля за определенным ресурсом (например, винами [Fourcade, 2012]). Эти сложившиеся конвенции определяют вид железнодорожных путей, трубопроводов, линий электропередач, множества других инфраструктур и практику их повседневного нерелефлексированного использования [Star, 1999].

Важно отметить, что Стар концептуализирует инфраструктуры постоянно изменяющимися сущностями. Между тем многочисленные примеры больших и созданных по единому плану строок в СССР порождают сомнения в универсальности такого принципа [Larkin, 2013]. В силу ряда причин схожим образом многие инфраструктуры создаются и в настоящее время.

Примером могут служить архетипичные для современной массовой культуры системы видеонаблюдения [Lianos, Douglas, 2000]. Однако работ, анализирующих их локализации и принципы расстановки в городском пространстве, не так много. Большинство современных исследований камер посвящено критике массового распространения таких систем, либо, наоборот, изучению их эффективности, но не вопросу дизайна инфраструктур и их связи с мыслительными коллективами. В немногочисленных исключениях даются широкие выводы о том, что камеры могут располагаться как в центрах городов, так и на их окраинах [Arteaga Botello, 2015], в зажиточных или, наоборот, неблагополучных районах [de Keersmaecker, Debailleul, 2016; Norris, Armstrong, 1999].

Если мы принимаем во внимание связь мыслительных коллективов и производимых ими инфраструктур, то в случае одновременного спланированного создания таких систем по всему населенному пункту определенной группой чиновников (обычно связанных с силовыми ведомствами или экстренными службами), инфраструктуры должны воспроизводить некоторые паттерны пространств, из которых должна происходить угроза в понимании представителей этого коллектива. Даже если мы считаем, что члены коллектива ведут себя только как рациональные индивиды, им необходимы критерии этой рациональности. Последние могут варьироваться от города к городу, ведь городские пространства разными группами воспринимаются по-разному, а не универсально [Harvey, 2010]. Таким образом, камера на улице становится артефактом общего стиля мышления и работы определенного бюрократического мыслительного коллектива. Нужно лишь начать смотреть на нее не как на «проводник» взгляда государства, а как на знак интереса какой-то группы бюрократов к этому пространству.

Где ставить камеру? Системы «Безопасный город» в регионах России

Инфраструктуры, которые мы будем рассматривать как артефакты работы мыслительных коллективов, — системы камер наблюдения аппаратно-программных комплексов «Безопасный город» (далее АПК «БГ»). Эти системы существовали с середины 2000-х годов в виде разных инициатив правоохранительных органов на местах, однако по реформе полиции 2011—2012 гг. «БГ» стали переда-

вать на баланс муниципалитетов⁷. В 2014 г. у локальных инициатив появилось общее оформление — была утверждена Концепция построения и развития АПК «БГ»⁸. Она была призвана создать централизованные системы видеонаблюдения во всех городах и городских поселениях России. Стоит оговориться, что далеко не все регионы создавали свои инфраструктуры на основе этой законодательной базы. Из-за слабой проработанности Концепции такие программы в целом вводились разрозненно и с различными названиями. Концепция носила рамочный характер и, несмотря на то что основными пользователями систем должны были стать полицейские, ее выполнение доверили курировать МЧС. Финансирование же должны были находить муниципальные и региональные власти⁹. В результате к концу 2010-х годов системы «БГ» в разных регионах России достаточно сильно отличались друг от друга по способу организационного устройства, финансирования и принципам построения.

В типичном случае региональные власти направляли большую часть ресурсов на установку дорожных камер, так как последнее позволяло привлечь в бюджет дополнительные ресурсы. Обычные же уличные камеры вплоть до начала 2020 г. рассматривались скорее как дополнительные неоправданные расходы¹⁰.

Можно было ожидать, что городские камеры будут расставлены по территории исходя из каких-то нормативов, но в типичном случае решение о расположении комплексов делегировалось муниципалитетам. Там представители специально собранных рабочих групп могли руководствоваться разработанными пособиями МЧС¹¹, однако последние дают лишь рамочные рекомендации размещать оборудование на критически важных и социально значимых объектах. Нормативно-правовые акты (далее — НПА), связанные с противодействием терроризму, также не дают конкретных указаний. Единственным исключением можно назвать категорию «места массового скопления людей», к которым, согласно нормам, можно отнести любое пространство, где одновременно могут находиться более 50 человек¹². Безусловно, существуют пространства с особыми режимами безопасности на их внутренней территории: разного рода заводы, закрытые объекты, вокзалы¹³

⁷ Эта информация была получена сразу от двух информантов — руководителей комплексов (см. ниже), однако нам не удалось найти подтверждающие это открытые нормативные акты. Косвенно ее подтверждают новости о передаче таких систем на региональном уровне: Городское видеонаблюдение передают от полиции к муниципальным властям // SecurityNews. 2011. 23 июня. URL: <https://www.secnews.ru/digest/16614.htm#axzz6MWotPgdt> (дата обращения: 15.05.2023).

⁸ Распоряжение от 3 декабря 2014 г. № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса „Безопасный город“» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172077/ (дата обращения: 15.05.2023).

⁹ Протокол заседания Межведомственной комиссии от 20 декабря 2016 г. № 8 // МЧС России. 2016. 20 декабря. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2716> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁰ Информация приведена со слов информантов — руководителей комплексов (см. ниже).

¹¹ Методическое пособие по разработке организационных документов по созданию и развитию АПК БГ (2016) // МЧС России. Главное управление по Кемеровской области — Кузбассу. URL: <https://42.mchs.gov.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/grazhdanskaya-zashchita/bezopasnyy-gorod/dopolnitelnye-materialy/iv-metodicheskie-rekomendacii-mchs-rossii/metodicheskoe-posobie-po-razrabotke-organizacionnyh-dokumentov-po-sozdaniyu-i-razvitiyu-ark-bg-2016> (дата обращения: 15.05.2023).

¹² Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 15.05.2023).

¹³ Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/ (дата обращения: 15.05.2022).

и стадионы¹⁴. Однако установленные там системы обычно считаются отдельными от муниципального «БГ» комплексами и финансируются из иных бюджетов. Другие НПА, которыми регламентируется создание систем камер, также дают размытые формулировки. Например, красноречив сам факт, что в федеральном законе «О безопасности» нет определения этого термина¹⁵. Из качественных данных (см. ниже) нам известно, что такие правила существуют, однако (на момент полевого этапа исследования) разработаны преимущественно только для крупных городов.

Так как же тогда камера наблюдения появляется на территории? В каждом из муниципалитетов анализируемого региона (см. ниже) в специальную экспертную комиссию приглашались представители заинтересованных ведомств и служб. Состав таких комиссий устанавливается региональным регламентом. В рассматриваемом случае в нее входят представители МЧС, МВД и отдела по чрезвычайным ситуациям муниципалитета. Внутри своих служб они должны были собрать информацию о пространствах, где необходимо разместить комплексы, а затем исходя из имеющегося бюджета прийти на совместных совещаниях к решению об окончательном дизайне системы.

Можно предположить, что камеры должны устанавливаться с расчетом каких-то статистических или формальных показателей, однако, например, статистика силовых органов на момент проведения исследования собиралась с генерализацией до района, а не конкретной точки на карте [Шклярук, 2014]. Именно поэтому локальная экспертность была определяющим фактором при разработке системы.

Таким образом, собираясь вместе, чиновники разных ведомств образуют мыслительный коллектив, задача которого — создать план расположения камер. При этом чиновники скорее будут ориентироваться на принятые конвенции (в том числе и для того, чтобы оправдать траты на создание системы перед начальством), нежели проводить математический анализ всех городских пространств в поисках оптимального. Безусловно, частные запросы разных ведомств будут реализованы в плане, но общие паттерны пространства будут говорить скорее о специфике восприятия пространств, которые необходимо сделать безопасными или контролируруемыми с точки зрения представителей муниципалитета. Поиск паттернов расположения камер наблюдения поможет нам высветить общие принципы мышления о пространстве, свойственные силовым органам власти и ассоциированным с ними чиновникам, а также лучше понять принципы контроля городских территорий со стороны этих органов.

Данные и метод

Мы анализируем системы АПК «БГ» в трех муниципалитетах (с центрами в малых городах с населением от 10 до 70 тыс. человек) одного из регионов Северо-Западного федерального округа РФ¹⁶. Полевая работа проводилась с декабря

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2015 г. № 202 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов спорта и формы паспорта безопасности объектов спорта» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176301/ (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁵ Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁶ Регион не называется во избежание деанонимизации информантов.

2018 по март 2020 г. Создание систем видеонаблюдения в изучаемом регионе финансировалось региональными властями по специальной программе начиная с 2015 г. Планы по установке камер и организационному устройству «БГ» в конкретных муниципалитетах разрабатывались на местах.

Муниципалитеты для анализа были отобраны по принципу максимальной вариации организационных структур АПК «БГ». В одном случае систему создавали и в дальнейшем контролировали региональные власти (кейс № 1), в другом — «Безопасный город» создавался при Единой дежурно-диспетчерской службе города и был тесно связан с муниципальными службами (кейс № 2), в третьем разработка, установка и оперативный мониторинг камер АПК «БГ» были отданы на аутсорсинг частной организации (глава которой был тесно связан с силовыми органами власти) (кейс № 3). Количество камер в каждом из кейсов варьируется от 15 до 37.

Доступ в поле в одном кейсе был получен через ключевого информанта, а еще в двух — через официальный запрос в администрацию, представители которой согласились частично «открыть» поле для исследователя. Стоит учитывать, что это могло наложить разного рода эффекты на восприятие интервьюера информантами как представителя начальства или проверочных органов. Всего было собрано 22 полуструктурированных интервью с 27 информантами (см. Приложение). Информантами были работники, вовлеченные в создание, организацию и повседневную работу АПК «БГ» — от служащих региональных департаментов по безопасности и информационным технологиям до операторов камер на местах. Из них в рабочие группы по расстановке камер входило семь информантов. Помимо этого, было проведено пять интервью с экспертами по физической безопасности разного уровня (от топ-менеджеров до рядовых работников), занимавшимися разработкой систем безопасности по заданию муниципалитетов по всей России, в том числе и в изучаемом регионе. В интервью исследователя интересовал широкий круг вопросов организационного контекста создания и работы АПК «БГ» в муниципалитете. Тема принципов расстановки камер была одним из блоков гайда. Помимо интервью была изучена многочисленная документация, полученная от информантов или найденная на официальных сайтах муниципалитетов.

В дополнение к этому при анализе данных было использовано семь анонимизированных интервью, предоставленных Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, которые были взяты у руководителей муниципальных администраций и чиновников МВД в 2014—2016 гг. и в которых обговаривалась тема АПК «БГ». Интервью дены в трех регионах Северо-Западного федерального округа и служат для прояснения исторического контекста или иллюстрации общей полицейской и административной логики по вопросу установки камер.

Такая неоднородность данных обусловлена крайней закрытостью поля для внешнего исследователя. Однако в совокупности они дают достаточно полную картину бюрократических паттернов опасного и безопасного пространств.

Интервью были проанализированы на предмет отсылок либо к «опасным» местам в муниципалитете, либо к принципам, по которым должно определяться ме-

сто для камер, чтобы те обеспечивали безопасность на территории. При этом нас интересовала именно фактическая информация, а не дискурсы. Далее полученные паттерны сопоставлялись с найденными планами расстановки камер для получения окончательного списка категорий мест, где, по мнению информантов, необходимо обеспечить безопасность и создать соответствующие инфраструктуры. Эти категории проявляются скорее как «острова смыслов» и в чистом виде не представлены в каком-либо городе, однако все они проговариваются информантами как отдельные зоны, требующие их внимания.

Места безопасности

Город как крепость

Часто встречающийся в интервью нарратив — установка камер либо на окраинах населенного пункта, либо в самом его центре (обычно вокруг администрации). Камеры «внешнего кольца» контролируют ключевые въезды на территорию города. Если трактовать категорию «въезд в город» в широком смысле, то можно увидеть, что камеры часто располагают рядом с авто- и железнодорожными вокзалами. Такая логика восприятия города как закрытого объекта, города как крепости, в целом была свойственна почти всем информантам и среди прочего проявлялась в специфических терминах, описывающих пространство: например, оборудованные камерами въезды в город назывались «рубежами».

Идея контроля границ и центра территорий — одна из самых частых в описаниях информантов. Так, один из них (м., руководитель, кейс № 1, участвовал в разработке) утверждал, что тотальное «перекрытие» въездов и выездов из города — первое, что было сделано в поселении при разработке «БГ» еще в 2015 г. Часто на такие участки ставят специальные камеры с потоковым распознаванием номеров, однако, по заявлению информанта из другого города, для среднестатистического муниципалитета это слишком дорого (м., работник отдела ГО и ЧС, кейс № 3, не участвовал в разработке).

Другими важными точками контроля «трафика» являются вокзалы и в целом любые официальные «точки входа» на территорию, которые власти также стремятся оборудовать системами безопасности:

А АПК «БГ» расположен на оживленных перекрестках, местах массового скопления людей. Последнее, что здесь было сделано, — установлено пять видеокамер около ж/д вокзала. Сейчас устанавливается две видеокамеры на сквере. Наша новая зона отдыха для горожан... Сейчас в планах построение причала здесь. Вот прямо на берегу реки, вот здесь [показывает в окно]. Совсем недалеко. И сейчас разрабатывается проектная документация по установке двух видеокамер, которые будут наблюдать за этим причалом. (М., заместитель руководителя, кейс № 2, участвовал в разработке).

Понимание города как крепости характерно не только для изучаемого региона:

Нам не хватает видеонаблюдения. Я думаю, что, если бы у нас это было... даже вот по той схеме, как мы это начертили: в основных местах... на въезде в город, на выезде из города... мы бы сразу очень много вопросов сняли... Очень много. Потому что, во-первых, мы бы видели, кто это делает, во-вторых, сразу бы это поступало на пульт

дежурного, — могли бы пресекать. И все, и даже с точки зрения преступлений. Кто из города выехал, все бы номера машин, все было бы видно. (М., глава администрации, данные ИПП ЕУСПб).

В имеющихся интервью с представителями МВД мы наблюдаем ту же общую идею: контроль въезда в город — это первоочередная задача при создании систем видеонаблюдения. При этом даже не столь важно, как это работает на практике — общая идея контроля важнее. Так, операторы одного из центров мониторинга заявляли, что полицейские периодически приходят к ним искать угнанные машины, но зачастую это оказывается безрезультатным предпринятием из-за плохого качества самих камер и того, что, если преступник решился на угон, он вряд ли поедет по основным магистралям, выводящим из города. Стоит отметить, что информанты описывали разные результаты работы с системой, соответственно, отношение к ней может сильно различаться как между муниципалитетами, так и внутри них.

В завершение можно упомянуть, что логика контроля периметра и важных инфраструктурных точек также неочевидна и неоднозначна. Сами «центральные» пространства могут варьироваться в зависимости от внутренних и ненаблюдаемых нами причин. Примером, который случайно проявился в одном из кейсов, может служить установка нескольких камер внутри одного из дворов города:

Информант 1. [Камер,] *конечно, не хватает — не проследить весь маршрут. Почему в [название микрорайона] хотят камеры поставить?*

Информант 2. *Да прокурорских там две машины сгорело.*

Интервьюер. *Из-за этого?*

Информант 2. *Ну, да [улыбается]. (М. и м., работники отдела ГО и ЧС, кейс № 3, не участвовали в разработке).*

У нас недостаточно свидетельств, чтобы утверждать, что камеры действительно планируются к установке из-за обсуждавшегося инцидента, но этот отрывок хорошо иллюстрирует, что «места власти» на локальном уровне могут выходить за пределы официальных учреждений.

Паттерн сети

Когда власти намерены контролировать своими системами не только границы города, но и муниципалитет в целом (как в кейсе № 1 и частично в № 2), им необходимо расставить ограниченное число камер так, чтобы те покрыли наибольшую площадь территории. Решение находится через меньший контроль границ поселения и больший — узловых точек и развязок дорог:

Знаю, что в [название другого города] есть камеры, но больше общественной безопасности они наблюдают... на въездах и выездах основных в поселении. На основных до-

рогах устанавливают камеры в обе стороны с таким расчетом, чтобы можно было проследить, что вот угнали ночью машину. А камера стоит хорошая и запоминает надолго номера машин... В последние два месяца проследили три угнанных машины, и вот эта система помогла вернуть машины. В других поселениях тоже. (М., начальник по делам ГУ и ЧС, кейс № 2, участвовал в разработке).

С помощью камер чиновники стремятся фиксировать в первую очередь угоны, аварии, сбития пешеходов, особенно детей (см. следующий параграф). Причина последнего проста — по регламентам экстренных служб информация об авариях с участием детей должна передаваться напрямую в администрацию региона, что становится нежелательным вмешательством в локальные дела чиновников:

Мне надо знать, какой вред здоровью причинен, потому что я это докладываю в [региональный центр]. Вот. В вышестоящее руководство, что у нас произошло ДТП. И особенно если это касается несовершеннолетних детей. Пока до конца их не доведу, значит... [жестами показывает, что не завершу работу]. (Ж., оператор диспетчерской, кейс № 2).

Любопытно, что в изученных кейсах паттерны «сети» и «крепости» представлены в достаточно чистых формах. То есть дизайн всей системы склонялся либо к одному, либо ко второму варианту¹⁷. Оба преобладают над остальными и иллюстрируют две возможные логики контроля — распределенную и централизованную.

Детские пространства

Установка камер видеонаблюдения в разнообразных детских пространствах — школах, детских садах и площадках — распространенный тренд [Taylor, 2013]. Повсеместный предлог к развитию таких систем — необходимость обеспечения безопасности детей, которые еще не в полной мере обладают субъектностью, способностью отвечать за свои действия и могут причинить вред себе или другим. Однако такой подход критикуется как проникновение неолиберальной модели управления не только в сектор государственного управления и высшего образования, но также в школы и детские сады. Неолиберализм в данном случае понимается как инструмент, создающий всеобщую криминализацию и секьюритизацию всех сфер жизни общества. В случае школ это может доходить до того, что камеры появляются даже в туалетах [Taylor, 2010].

В малых городах изучаемого региона видеонаблюдение на территории школ, больниц и детских садов обязательное и организуется в рамках одной из региональных программ¹⁸. Такая же ситуация и в городах большего масштаба:

Все школы у нас оборудованы видеонаблюдением... Кнопкой тревожной сигнализации... То есть дошкольные, школьные учреждения, высшие учебные заведения... То есть

¹⁷ У нас недостаточно данных, чтобы говорить о причинах выбора той или иной стратегии на рабочих группах.

¹⁸ Эта программа распространена и за пределами изучаемого региона. См., например: Безопасная школа: охранники должны видеть картинку с камер видеонаблюдения // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. 2013. 18 августа. URL: <https://www.mos.ru/drbez/documents/arhiv-novostej/view/86189220/> (дата обращения: 15.05.2023).

непосредственно те объекты, которые образовательной направленности. (М., и. о. начальника Отдела вневедомственной охраны УВД, данные ИПП ЕУСПб).

Важно отметить, что все эти системы существуют внутри закрытых социальных объектов и напрямую не включены в общую инфраструктуру наблюдения города. Другими словами, участники рабочих групп ответственны за другой тип камер, зная, что детские учреждения и так находятся под пристальным наблюдением. Однако во всех кейсах наблюдается расположение комплексов возле детских объектов.

В нашем случае особенно популярными местами установки камер наблюдения оказались детские и спортивные площадки. Гипотетическим объяснением этому может служить то, что такие пространства притягивают нарушителей общественного порядка и являются потенциально травмоопасными для детей местом. На это указывает и статистика использования камер в одном из кейсов. По ней самым массовым способом работы по камерам становится «снятие» детей с крыш домов и гаражей¹⁹. Причем этот паттерн проявляется во многом в силу институциональной связи школ, детских садов и дворовых детских комплексов с зоной ответственности муниципальных властей.

Соглашаясь с этим, один из информантов дополнил рассуждение другим аргументом:

[Сумма] ты тратишь на безопасность [в муниципалитете]. Положить эту цифру в голову чиновникам очень тяжело, потому что чиновники приходят построить 15 детских площадок, 25 школ и т. д. Им так легче отчитываться. (М., руководитель, кейс № 3, участвовал в разработке).

С одной стороны, столь высокое внимание к детским пространствам объясняется опасностями, которые они могут порождать. С другой стороны, сама эта «опасность» в среде бюрократов может работать как непроблематизируемая конвенция и быть одной из легитимных отсылок при оправдании своих действий.

Критическая инфраструктура

Расположение общегородских камер рядом с объектами критической инфраструктуры (котельными, насосными станциями, водоочистными сооружениями и проч.) представляется довольно противоречивым паттерном. Одна логика рассуждения постулирует идею «закрытых объектов» (как в кейсе № 3), где все, что случается внутри территорий каких-то объектов, считывается как другое пространство с другим режимом — как безопасности, так и контроля за ней. На таких объектах обычно действуют свои системы безопасности, регламентируемые отдельными НПА. Здесь важна характерная черта логики классификации опасных пространств в среде чиновников анализируемого кейса: если какая-либо территория является зоной ответственности другого, то опасности на ней не воспринимаются как таковые.

¹⁹ Почти половина всех случаев использования камер. Всего за 2017 г. системами воспользовались 166 раз.

В кейсе № 2 из-за большого химического завода на территории города возникает другой принцип восприятия опасностей — экологический. В таком случае даже закрытые пространства воспринимаются как места публичного порядка, которые должны быть подконтрольны тем, кто поддерживает этот порядок в городе, то есть МВД и администрации. Ведь произошедшее внутри них напрямую может отразиться на муниципальных чиновниках. В результате даже при наличии собственных систем охраны такие места представляются как потенциально опасные, поэтому при проектировании АПК «БГ» создают комплексы датчиков на разных объектах города, чтобы следить за обстановкой в них. Стоит оговориться, что камеры для этого используются редко, но они также расставляются вблизи территории предприятия.

Критическая инфраструктура — один из типов пространства для контроля и безопасности, на который явно указывают методические рекомендации при проектировании АПК «БГ». Однако само отношение к опасностям в них может быть разным. Если ЧП на объекте может угрожать всему населенному пункту, члены рабочей группы будут проектировать камеры с учетом этого. В иных случаях внимание к ним — это скорее *ad hoc* решение.

Символические объекты

Зачастую значимые для сообщества объекты также обозначаются *ad hoc* и не всегда видны внешнему наблюдателю. К ним можно отнести различные мемориалы, памятники, парки и музеи. Можно попытаться провести метафорический критерий такого пространства в логике Дуглас — если место будет «осквернено», то, скорее всего, последует негодование локального сообщества [Дуглас, 2000]. Для примера приведем случай, произошедший в одном из кейсов:

01. *Вот смотрите, в прошлом году... У нас есть на горе захоронение, памятник, в общем. И поставили там голубые елки. И начали воровать эти елки. Просто выкапывать. Садоводы, наверное. Глава принял решение срочно поставить видеонаблюдение.*

02. *...Родственники погибших афганцев [памятник посвящался жертвам афганской войны] обратились с просьбой к губернатору и главе и [они] нашли деньги, и мы поставили туда три камеры. (М. и м., работники отдела ГО и ЧС, кейс № 2, не участвовали в разработке).*

«Символические объекты» скорее можно ожидать в публичных пространствах, в которых они по разным причинам могут восприниматься как источники опасности. Общая логика опасения осквернения будет работать для них. Так, в кейсе № 3 камеры были установлены возле вечного огня, для того чтобы не давать детям «забросать его снегом», а «бомзам — жарить на нем соски».

Поскольку в малых городах большинство таких объектов обычно находится на главной площади поселения, паттерн безопасности символических пространств будет дополнять общий тип «город как крепость». Одни камеры будут направлены на административные здания, а другие, находясь по соседству, будут наблюдать памятные объекты.

Преступность, коррупция и камеры

При знакомстве с предыдущими параграфами читатель мог задаться вопросом, почему автор не говорит о, кажется, самом главном принципе установки камер — в местах частого совершения преступлений.

Этот паттерн диктуется разнообразными НПА по АПК «БГ» и также заявлялся информантами в различных кейсах. Однако при дальнейших расспросах можно сделать осторожный вывод, что, судя по всему, такая логика чаще применяется в больших мегаполисах. В малых городах коллективы, ориентирующиеся на нее, сталкиваются с достаточно слабой эффективностью таких систем при дороговизне их установки и поддержания. Нельзя забывать, что аргументация к этому паттерну может прикрывать более важную для ряда информантов логику установки — коррупционную.

Приведем отрывок из полевого дневника, в котором описан монолог информанта о преимуществах сферы безопасности в коррупционных махинациях:

На безопасность объекта тратится до 10—15% сметы, собственно, эти 10—15%... а) [информанта], б) сложно контролируемы, с) их легко вывести из оборота... Важно, что их тяжело отследить, так как проверяющие органы обычно ищут неправильную растрату при строительстве объектов, но не при их содержании. (М., руководитель, кейс № 3, участвовал в разработке).

По словам другого информанта, обеспечение безопасности может восприниматься как некий «майнинг» средств при содержании объектов, так как никто не знает, стал ли объект X безопаснее после установки аппаратов или нет.

Поразительным образом этот пример дополняет главный аргумент статьи о том, что члены рабочей группы по разработке дизайна системы действуют как мыслительный коллектив, разрабатывающий план и отталкивающийся при этом от общепринятых конвенций понимания пространств, из которых может прийти опасность. Поскольку проверяющие органы интересуют прежде всего этап появления инфраструктуры, ее могут создавать исходя из стереотипов о пространствах, которые необходимо обезопасить, — вне зависимости от того, насколько это действительно необходимо в муниципалитете с точки зрения структуры распределения преступности.

Схожие проблемы отмечаются и в других исследованиях [Carr, 2016]. Например, Гемма Клавел на материале Барселоны делает вывод о связи распространения систем видеонаблюдения не столько с их эффективностью в сокращении преступности, сколько с тем, что они становятся «удобной» технологией для самых разнообразных городских акторов (политиков, полицейских, гражданских активистов и проч.). Камеры используются для аргументации их публичной повестки и легитимации различных решений в управленческой логике. Любые инвестиции в технологии такого рода воспринимаются положительно и, что не менее важно, органы власти, ответственные за введение систем безопасности Барселоны, никогда не заказывали оценку эффективности этих инфраструктур у сторонних агентств [Clavell, 2011].

Заключение

Мы попытались продемонстрировать, как изучение социальных паттернов в духе «слабого» проекта когнитивной социологии может оказаться продуктивным при учете структурных особенностей анализируемых сообществ. В случае изучения бюрократии (особенно связанной с силовыми органами власти) мы теоретически можем ожидать большей гомогенности систем классификации в коллективе. Таким образом, изучая инфраструктуры, спланированные коллективами бюрократов, мы можем говорить о некоторых общих принципах категоризации пространства.

Исследуя различие безопасного/опасного пространства, мы проанализировали три кейса муниципальных инфраструктур камер наблюдения. Все кейсы объединяет то, что перед чиновниками в условиях небольшого количества ресурсов стоит задача контролировать с помощью камер достаточно большую территорию. Фраза о том, что полицейские хотят «утыкать» весь город камерами, была, наверное, одной из самых распространенных в интервью. Однако из-за ограниченности средств, участники мыслительных коллективов рабочих групп руководствовались определенными принципами расстановки систем. Проектируемые инфраструктуры должны охватывать такие участки города, которые конвенционально будут считаться требующими установления безопасности и контроля.

Мы выделили два ключевых способа организации видеоконтроля — распределенный и централизованный. Каждый из них можно трактовать в логике разной иерархии безопасного. В первом случае достигается больший контроль всей территории района, но меньший за пределами непосредственных пространств «власти» (будь то администрации, отделы МВД или личные дома чиновников). Во втором случае эта система противоположна.

Кроме того, мы выделили три типа территорий, которые конвенционально считаются нуждающимися в наблюдении: детские пространства, объекты критической инфраструктуры и символически важные объекты. Эти категории могут быть внутренне противоречивы, однако с точки зрения общего нарратива они находятся на следующем уровне логики обеспечения безопасности в муниципалитете после описанных выше общих принципов организации контроля.

Представленная статья — первая попытка описать общие формы классификации опасных и безопасных пространств в мыслительных коллективах чиновников, близких к силовым органам власти. Мы предлагаем общий подход к проблеме и эмпирические способы изучения как механики работы социальных классификаций, так и связи власти и территории. Однако, чтобы делать более аргументированные выводы, необходимо дальнейшее развитие этой работы как минимум в двух направлениях. Во-первых, в текущем исследовании не прояснен процесс принятия решений в рабочих группах. Можно ожидать, что он не был единогласным. Анализ контроверз на встречах рабочих групп может послужить сильным аргументом в пользу как подтверждения, так и опровержения идеи о том, что финальный вид инфраструктуры отражает некоторые общие паттерны отношения к опасным/безопасным пространствам. Во-вторых, поскольку экстраполяция результатов также неочевидна, представляется важным в той же логике проанализировать другие инфраструктуры в иных контекстах. Например, не скромные по размеру муниципалитеты, а крупные мегаполисы [Serebrennikov, Skougarevskiy, 2022].

Список литературы (References)

Архипова А. С.²⁰, Кирзюк А. А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Arkhipova A. S., Kirzyuk A. A. (2019) *Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Девятко И. Ф. Социальное знание и социальная теория: от социологии знания к когнитивной социологии // Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 13—40.

Deviatko I. F. (2015) *Social Knowledge and Social Theory: From the Sociology of Knowledge to Cognitive Sociology*. In: Deviatko I. F., Abramov R. N., Katerniy I. V. (eds.) *Everyday and Scientific Knowledge of Society: Interactions and Reconfigurations*. Moscow: Progress-Traditsiya. P. 13—40. (In Russ.)

Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу / пер. под ред. С. П. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Douglas M. (2000) *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. Moscow: Canon-Press-Ts. (In Russ.)

Дуглас М. Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020.

Douglas M. (2020) *How Institutions Think*. Moscow: Elementary Forms. (In Russ.)

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018.

Durkheim É. (2018) *Les Formes Élémentaires de la Vie Religieuse*. Moscow: Elementary Forms. (In Russ.)

Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 55—125.

Durkheim É., Mauss M. (2011) *Primitive Classification*. In: Mauss M. *Society. Exchange. Persons. Works in Social Anthropology*. Moscow: KDU. P. 55—125 (In Russ.)

Титаев К. Д., Шклярук М. С. «Языком протокола»: исследование связи юридического языка с профессиональной повседневностью и организационным контекстом // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 168—206.

Titaev K. D., Shklyaruk M. S. (2015) *In Terms of Official Record: A Study of the Connections between Legal Language, Everyday Worklife and Organizational Context*. *Sociology of Power*. Vol. 27. No. 2. P. 168—206. (In Russ.)

Шариков Д. Д. Культура и познание: в поисках не-редукционистского подхода // Социология власти. 2020. Т. 32. № 2. С. 104—124.

Sharikov D. D. (2020) *Culture and Cognition: In Search of a Non-Reductionist Framework*. *Sociology of Power*. Vol. 32. No. 2. P. 104—124. (In Russ.)

²⁰ 26.05.2023 г. внесена в реестр иностранных агентов.

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / сост., предисл., пер. с англ., нем., польского яз., общая ред. В. Н. Поруса. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. Fleck L. (1999) *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Moscow: Idea-Press; The House of Intellectual Book. (In Russ.)

Шклярук М. С. Траектория уголовного дела в официальной статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов / под ред. К. Д. Титаева, Э. Л. Панеях. М.: Статут, 2014.

Shklyaruk M. S. (2014) *Criminal Case Trajectory in Official Statistics: Evidence from Aggregated Law Enforcement Agencies Data*. Moscow: Statut. (In Russ.)

Alexander J. C. (ed.) (1990) *Durkheimian Sociology: Cultural Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Arteaga Botello N. (2015) Surveillance Footage and Space Segregation in Mexico City. *International Sociology*. Vol. 30. No. 6. P. 619—636. <https://doi.org/10.1177/0268580915605650>.

Bergesen A. J. (2004) Durkheim's Theory of Mental Categories: A Review of the Evidence. *Annual Review of Sociology*. Vol. 30. P. 395—408. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.30.012703.110549>.

Bowker G. C., Star S. L. (2000) *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/6352.001.0001>.

Brekhus W. (2007) The Rutgers School: A Zerubavelian Culturalist Cognitive Sociology. *European Journal of Social Theory*. Vol. 10. No. 3. P. 448—464. <https://doi.org/10.1177/1368431007080705>.

Carr R. A. (2016) Political Economy and the Australian Government's CCTV Programme: An Exploration of State-Sponsored Street Cameras and the Cultivation of Consent and Business in Local Communities. *Surveillance & Society*. Vol. 14. No. 1. P. 90—112. <https://doi.org/10.24908/ss.v14i1.5372>.

Clavell G. G. (2011) The Political Economy of Surveillance in the (Wannabe) Global City. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 4. P. 523—526. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i4.4191>.

d'Andrade R. G. (1995) *The Development of Cognitive Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09781139166645>.

De Keersmaecker P., Debailleul C. (2016) The Spatial Distribution of Pen-Street CCTV in the Brussels-Capital Region. *Brussels Studies*. No. 104. <https://doi.org/10.4000/brussels.1427>.

DiMaggio P. (1997) Culture and Cognition. *Annual Review of Sociology*. Vol. 23. P. 263—287. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.263>.

Douglas M. (1982) Introduction to Grid/Group Analysis. In: Douglas M. (ed.) *Essays on the Sociology of Perception*. London: Routledge; Boston, MA: Kegan Paul. P. 1—8.

Fourcade M. (2012) The Vile and the Noble: On the Relation between Natural and Social Classifications in the French Wine World. *The Sociological Quarterly*. Vol. 53. No. 4. P. 524—545. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2012.01248.x>.

Fourcade M., Healy K. (2013) Classification Situations: Life-Chances in the Neoliberal Era. *Accounting, Organizations and Society*. Vol. 38. No. 8. P. 559—572. <https://doi.org/10.1016/j.aos.2013.11.002>.

Harvey D. C. (2010) The Space for Culture and Cognition. *Poetics*. Vol. 38. No. 2. P. 185—204. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.009>.

Kaidesoja T., Hyryläinen M., Puustinen R. (2022) Two Traditions of Cognitive Sociology: An Analysis and Assessment of Their Cognitive and Methodological Assumptions. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 52. No. 3. P. 528—547. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12341>.

Larkin B. (2013) The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 42. P. 327—343. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155522>.

Lianos M., Douglas M. (2000) Dangerization and the End of Deviance: The Institutional Environment. *British Journal of Criminology*. Vol. 40. No. 2. P. 261—278. <https://doi.org/10.1093/bjc/40.2.261>.

Miller G. A. (2003) The Cognitive Revolution: A Historical Perspective. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. No. 3. P. 141—144. [https://doi.org/10.1016/s1364-6613\(03\)00029-9](https://doi.org/10.1016/s1364-6613(03)00029-9).

Norris C., Armstrong G. (1999) CCTV and the Rise of Mass Surveillance Society. In: Carlen P., Morgan R. (eds.) *Crime Unlimited? Questions for the 21st Century*. London: Palgrave Macmillan. P. 76—98. https://doi.org/10.1007/978-1-349-14708-3_5.

Serebrennikov D., Skougarevskiy D. (2022) A Tale of Four Cities: Exploring Environmental Characteristics of CCTV Equipment Placement (May 11, 2022). <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4106472>.

Simpson R. (1996) Neither Clear nor Present: The Social Construction of Safety and Danger. *Sociological Forum*. Vol. 11. No. 3. P. 549—562. <https://doi.org/10.1007/bf02408392>.

Slater A., Quinn P. C. (2001) Face Recognition in the Newborn Infant. *Infant and Child Development*. Vol. 10. No. 1—2. P. 21—24. <https://doi.org/10.1002/icd.241>.

Sokal R. R. (1974) Classification: Purposes, Principles, Progress, Prospects. *Science*. Vol. 185. No. 4157. P. 1115—1123. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1115>.

Star S. L., Ruhleder K. (1994) Steps Towards an Ecology of Infrastructure: Complex Problems in Design and Access for Large-Scale Collaborative Systems. *Proceedings of the 1994 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work*. P. 253—264.

Star S. L. (1999) The Ethnography of Infrastructure. *American Behavioral Scientist*. Vol. 43. No. 3. P. 377—391. <https://doi.org/10.1177/00027649921955326>.

Strydom P. (2007) Introduction: A Cartography of Contemporary Cognitive Social Theory. *European Journal of Social Theory*. Vol. 10. No. 3. P. 339—356. <https://doi.org/10.1177/1368431007080699>.

Taylor E. (2010) I Spy with My Little Eye: The Use of CCTV in Schools and the Impact on Privacy. *The Sociological Review*. Vol. 58. P. 3. P. 381—405. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954x.2010.01930.x>.

Taylor E. (2013) *Surveillance Schools: Security, Discipline and Control in Contemporary Education*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137308863>.

Turner S. (1994) *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge and Pre-suppositions*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Turner S. (2002) *Brains/Practices/Relativism: Social Theory after Cognitive Science*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Zerubavel E. (1991) *The Fine Line: Making Distinctions in Everyday Life*. New York, NY: Free Press.

Zerubavel E. (1996) Lumping and Splitting: Notes on Social Classification. *Sociological Forum*. Vol. 11. No. 3. P. 421—433. <https://doi.org/10.1007/bf02408386>.

Zerubavel E. (2007) Generally Speaking: The Logic and Mechanics of Social Pattern Analysis. *Sociological Forum*. Vol. 22. No. 2. P. 131—145. <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2007.00010.x>.

Приложение

Список информантов

Номер информанта	Кейс	Гендер	Позиция	Состоял ли в муниципальных рабочих группах по разработке АПК «БГ»?
1	—	М	Специалист по разработке систем физической безопасности	Да
2	3	М	Замглавы администрации района	Нет
3	3	М	Замглавы начальника отдела ГО и ЧС района	Нет
4	3	М	Работник отдела ГО и ЧС района	Нет
5	3	М	Работник отдела отдела ГО и ЧС района	Нет
6	3	М	Ведущий специалист отдела ГО и ЧС района	Да
7	3	М	Работник отдела ГО и ЧС района	Нет
8	3	М	Глава ЕДДС	Нет
9	3	Ж	Оператор ЕДДС	Нет
10	3	М	Оператор ЕДДС	Нет
11	3	М	Глава отдела ГО и ЧС	Да
12	3	М	Руководитель центра мониторинга	Да
13	3	Ж	Оператор центра мониторинга	Нет
14	1	М	Представитель администрации области, курировавший создание центра мониторинга	Нет
15	1	Ж	И.о. главы центра мониторинга	Нет
16	1	М	Замглавы центра мониторинга	Да
17	2	М	Руководитель отдела ГО и ЧС района	Да
18	2	Ж	Замглавы ЕДДС	Да
19	2	Ж	Оператор ЕДДС	Нет
20	2	Ж	Оператор ЕДДС	Нет
21	2	М	Замглавы ЕДДС	Нет
22	2	М	Руководитель ЕДДС	Нет
23	2	М	Работник ЕДДС	Нет
24	—	М	Начальник департамента в компании по разработке систем информационной и физической безопасности. В значительной степени компания выполняет заказы гос. органов	Нет

Номер информанта	Кейс	Гендер	Позиция	Состоял ли в муниципальных рабочих группах по разработке АПК «БГ»?
25	—	М	Руководитель компании по разработке систем информационной и физической безопасности. В значительной степени компания выполняет заказы гос. органов	Нет
26	—	М	Один из руководителей проекта по созданию АПК «БГ» в крупном мегаполисе России	Нет
27	—	М	Специалист по информационной и физической безопасности	Нет

Список анонимизированных интервью с сотрудниками МВД и представителями муниципалитетов (предоставлены сотрудниками ИПП ЕУ СПб)

I	—	М	Муниципальный чиновник, связанный с работой АПК «БГ»	Неизвестно
II	—	М	Муниципальный чиновник, связанный с работой АПК «БГ»	Неизвестно
III	—	М	Муниципальный чиновник, связанный с работой АПК «БГ»	Неизвестно
IV	—	М	Начальник ОМВД	Неизвестно
V	—	М	Глава администрации	Неизвестно
VI	—	М	Мэр города и вице-мэр района по взаимодействию с правоохранительными органами	Неизвестно
VII	—	М	И.о. начальника Отдела вневедомственной охраны УВД	Неизвестно